Котов А. Э. «Славянский шкаф» в суворинской редакции : славянофильство на страницах «Нового времени» начала 1880-х гг. // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. — 2025. — Т. 9, № 2. — С. 122–154.

АЛЕКСАНДР КОТОВ*

«СЛАВЯНСКИЙ ШКАФ» В СУВОРИНСКОЙ РЕДАКЦИИ**

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО НА СТРАНИЦАХ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»
НАЧАЛА 1880-Х ГГ.

Получено: 10.01.2025. Рецензировано: 20.03.2025. Принято: 14.04.2025.

Аннотация: Статья посвящена рецепции славянофильства на страницах суворинского «Нового времени». Обширность этой проблематики оставляет возможность наметить ее лишь в общих чертах. Характеризуя суворинский национализм, автор считает нецелесообразным искать в нем строгую идеологическую систему, указывая лишь на его близость к основным политическим положениям славянофилов, прежде всего — связанным с отношениями власти и общества, а также к внешнеполитическим вопросам. Со своей стороны, последний из «старых славянофилов» И. С. Аксаков, не признавая прямо Суворина своим последователем, весьма ценил «Новое время». Апологетика славянофильства также занимала значительное место на страницах этого издания. Газета крайне почитательно отзывалась о личных качествах И. С. Аксакова, активно выступала как против вульгарно-западного тезиса о «ретроградстве» славянофильства, так и против распространенного в то время отождествления панславизма с нигилизмом. Ярким примером подобной апологетики стал цикл очерков 1881 г. «Люди и партии», собственно, и посвященный славянофильству и западничеству. Автор опровергал традиционный западнический аргумент, согласно которому славянофилы были сторонниками возвращения в прошлое; характеризовал славянофильство как прогрессивное и демократическое направление, сравнивая его с британскими вигами. Внешнеполитические взгляды «Нового времени» — прежде всего, связанные со славянским вопросом, — также во многом совпадали с аксаковскими. Традиционной для изданий «русского направления» была критика российской «внеземельной» дипломатии и апелляция к концепции «национального эгоизма», — которую, впрочем, редакция первоначально пыталась совмещать с идеей «славянской взаимности».

Ключевые слова: консерватизм, национализм, панславизм, славянофильство, Суворин, Аксаков, Катков.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-122-154.

*Котов Александр Эдуардович, д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), a.kotov@spbu.ru, ORCID: 0000-0001-5226-9552.

**© Котов, А. Э. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 23-78-10045 «Национальные движения в оптике имперской легитимности: революции, восстания, бунты, мятежи в славянских землях в риторике российской власти долгого XIX века».

Вопросу о месте славянофильства в русской общественной мысли столько же лет, сколько и самому славянофильству (Тесля, 2011; 2014; 2020; Цимбаев, 2013). Ответ на него, разумеется, зависит от оптики: и от того, что отвечающий полагает сущностными элементами этого «общественного движения», и от того, какие значения вкладываются в более широкие термины — в частности, «консерватизм», «национализм» и «либерализм». Не стремясь возвращаться к своему скромному вкладу в этот вечный спор (Котов, 2016: 7–40), автор этой статьи предпочел обратиться к узкому сюжету: рецепции славянофильства на страницах суворинского «Нового времени». Обширность этой проблематики оставляет возможность наметить ее лишь в общих чертах.

Устоявшийся в «освободительной» историографии «консенсус» о беспринципности и карьеризме А. С. Суворина (Динерштейн, 1998; Ленин, 1973) постепенно сменяется объективным и скорее даже положительным образом (Санькова, 2011; Солоусов, 2007). Актуальным и в своем личном пристрастии как бы примиряющим публицистические крайности всегда останется портрет, нарисованный Розановым: «Мастерство, и притом какое-то *врожденное мастерство*, соединять „веселие пити“ (не в буквальном смысле) с угрюмой мечтой отшельника — и составляло победный залог Суворина» (Розанов, 1913: 59).

Сам Суворин уже в начале XX в. так характеризовал свои взгляды:

Я никогда не занимался государственными проектами. Это дело очень мудреное и меньше всего единоличное [...] Есть общие идеи, общие идеалы, к которым обязательно стремиться, потому что они только дают возможность к усовершенствованию государственного порядка и к самоусовершенствованию. Если нет средств для самоусовершенствования, если для развития духа, энергии, всякой работы поставлены преграды, то и государственный порядок не может совершенствоваться. Одно с другим связано и задача правителей заключается в том, чтоб быть наравне с веком, чтоб постоянно угадывать потребности вырастающего народа и улаживать ему дорогу к самоусовершенствованию, к тому, чтоб дух его не засыпал и крепко было тело¹.

Очевидно, искать здесь строгую систему бессмысленно. К Суворину во многом можно отнести позднейшую формулировку В. В. Шульгина:

В националистическом мире не философствуют слишком глубоко. Существует несколько истин, которые признаются за незыблемые... К числу таких

¹ *Суворин А.* Маленькие письма (Новое время. — 1904. — Дек. — № 10343. — С. 3). Здесь и далее ссылки на материалы из газеты «Новое время» даются в сносках и не включены в список литературы.

истин «националистического мира» относится и нижеследующая аксиома. Каждая нация, раса, народ имеет право на место под Солнцем... Слишком вежливые англичане в тех случаях, когда человека очень длительно и за всё решительно упрекают, говорят: «Извините меня, пожалуйста, что я родился на свет». В этой тонкой насмешке вся суть национализма (Шульгин, 1994: 72).

Однако в российских условиях эта суть неизбежно приобретала демократический оттенок:

...слово «национальный» мне остается любезным. Я жил с ним и с ним умру. Я пристал бы к единственной партии, национально-демократической, которой нет, но которая могла бы проповедовать все свободы и экономическое устройство народа и не была бы исключительно русской, а, напротив, соединила бы с собою народности культурные, как поляки. И я еще верю, что национальное чувство возродится в просветленном виде, если Русский Народ не затолкают и не обезличат...²

Собственно, этот национально-демократический «базис» и связывал Суворина со славянофильством, делая его последовательным апологетом «земли» перед «государством». Наиболее ярко это проявилось в 1876–1882 гг.: от общественного подъема накануне русско-турецкой войны (с которого, собственно, и началась известность суворинского «Нового времени») до отставки «славянофильского» министра внутренних дел Н. П. Игнатьева (Бадалян, 2023). Впрочем, и позднее «Новое время» продолжало следовать этому курсу — лишь на время оставляя такие острые вопросы, как Земский собор, но неизбежно к ним возвращаясь (Бадалян, 2013; Котов, 2017b).

Со своей стороны, последний из «старых славянофилов» И. С. Аксаков, не признавая прямо Суворина своим последователем, весьма ценит «Новое время»: «Не знаю, как Ваши подписчики, а я Вашей газетой очень доволен. Нельзя издавать живее, отзывчивее. Очень уж Вы только на брань развязны. Благодарю Вас за благоволение постоянное к „Руси“» (Аксаков, 1927а: 12). Впрочем, под свое благорасположение Аксаков подводил и теоретическую основу, указывая на актуальность суворинского формата и его соответствие потребностям столь ценимой славянофилами «живой жизни»:

Нужны не творцы доктрин и отвлеченных принципов, — сего было слишком довольно, — а нужно дать самой жизни, дать ежедневности, которая весьма противна (каось) нашему брату поэту-лирику, время и свободу проверки

² *Суворин А.* Маленькие письма (Новое время. — 1906. — Март. — № 10789. — С. 3).

и критики всей этой массы отвлеченности, натворенной предшествовавшими поколениями. Одним словом, историческая экономия требует, по-видимому, наступления, на известный срок, периода посредственности и процесса внутреннего пищеварения, не смущаемого воздействием ярких талантливых личностей. Это очень скучно для людей нашего поколения, но что делать! Процесс пищеварения видимо совершается, — и именно в молодом поколении: на беспорядки в Киеве и т. п. смотреть нечего: это эпигоны старого доктринерства, последние могикане, которых еще много на Юге [...] совсем иной дух в подрастающих молодых поколениях Великороссии. И что замечательно — процесс этот совершается помимо газет и журналов. Молодые поколения их не читают, — и право, оставляя вопрос о свободе слова в стороне, — истинно во благо — исчезновение «Дела» и «Отеч[ественных] Записок» — этих столпов отрицательного доктринаризма, мешавших свободе внутреннего процесса в молодых поколениях. Теперь нужны: газеты ежедневные, как необходимая пища, но чуждые доктринерства, — и хорошие книги (Аксаков, 1927b: 19).

И разумеется, соответствовало аксаковским представлениям о прекрасном отношении «Нового времени» к внешнеполитическим сюжетам:

Что касается области внешней политики, то подстегивать нашу дипломатию необходимо, ибо иначе она совсем убаюкается пением Берлинской сирены. Я знаю, что ей напевают из Берлина про проливы и т. д., — кажут их в отдаленной перспективе будущего, требуя и добиваясь реальных или способных теперь же реализоваться уступок в пользу Австрии. Но такой торг не выгоден. Необходимо, чтоб за границей считались не с одной дипломатией, но и с русским общественным мнением. Да это же полезно и для самой нашей дипломатии: ее умеренность, нередко неизбежная, приобретает от того, в глазах иностранцев, больше цены (Аксаков, 1927a: 19).

Апологетика славянофильства занимала значительное место на страницах суворинского издания. Газета крайне почтительно отзывалась о личных качествах И. С. Аксакова. Так, в передовой статье, посвященной освящению храма Христа Спасителя, Суворин писал:

Наша современная действительность тем и ужасна, что она переполнена неискренностью, фарисейством, ложью, стремлением к отличиям, к удержанию за собою места. Шатание до того ярко выражается, что попробуйте заговорить с незнакомым человеком в одном тоне — и он в него перейдет тотчас же, хотя с постепенной осторожностью. Это какое-то общее правило, из которого наиболее исключений представляет Москва, и одно из самых блестящих исключений — Аксаков. Его статья — это лучшая речь из всех речей, произнесенных в эти дни, речь, полная одушевления и искренности.

Ее нельзя было не заметить, и о ней говорят сегодня в некоторых здешних кружках более, чем об иллюминации³.

«Новое время» активно выступало как против вульгарно-западнического тезиса о «ретроградстве» славянофильства, так и против распространённого в то время отождествления панславизма с нигилизмом (Власов, 2023; Котов, 2017a). Наиболее ярким примером такой апологетики стал цикл очерков 1881 г. «Люди и партии», собственно, и посвященный славянофильству и западничеству — противопоставлявшимся прежде всего в контексте своего отношения к восточному вопросу:

В то время, когда «Голос» отстаивал Турцию в борьбе с Сербией, в то время, когда «Голос» осмеивал патриотическое движение русского общества, движение серьезное, знаменательное, верившее совершенно основательно в возможность занять Константинополь, в это время славянофилы с Аксаковым во главе шли вместе с обществом⁴.

Однако главный тезис, на который возражал автор статьи, принадлежал германской «National Zeitung», из которой «Новое время» приводило обширную цитату:

Те и другие мечтатели, по мнению главного органа прусской национальной партии, далеки от здоровой государственной идеи и одинаково стремятся к разрушению исторического строя. «Нигилистов» отличает — говорит берлинская газета — отсутствие, как и у славянофилов, всякой государственной мысли. В то время как панслависты приносили в жертву своей идее исторически сложившуюся русскую империю, нигилисты предприняли принести эту империю в жертву идее социалистической. В искусстве разрушения обе стороны мастерски показали себя⁵.

В ответ на этот тезис «Новое время» несколько невольно задавало свои вопросы:

Мы спросим у людей с головой и с мозгом, а не у людей с головой, набитой сеном, в чем показали себя славянофилы разрушителями? Что они разрушили или разрушали? Разрушали ли они народные верования, разрушали ли они крестьянскую реформу, земские начала, свободу совести и свободу печати? Нет, они стояли за это. Они стояли за народ, за изучение его нужд и потребностей, за изучение его верований, песен, былин; они открывали в этом народе такие глубокие начала, что говорили просвещенным людям:

³ *Незнакомец*. В гостях у Москвы (Новое время. — 1883. — Май. — № 2594. — С. 1).

⁴ Люди и партии (Новое время. — 1881. — Апр. — № 1830. — С. 1).

⁵ Там же.

«поучитесь у народа». Они преувеличивали, они возводили в перл создания то, что, быть может, существует в зачатках, в намеках? Очень может быть. Но в известную пору надо преувеличивать, чтоб обратить внимание не только людей серьезных и добросовестных, но и любопытных. Кто первый указал на земские соборы, как не славянофилы, кто обратил внимание добросовестных ученых на допетровскую Русь и заставил в ней искать не одних багатов; кто первый внес критический анализ в петровскую реформу? Мало этого: национальное, народное направление в русском обществе почти исключительно обязано славянофилам⁶.

Далее автор переходил к ответу на традиционный западнический аргумент, согласно которому славянофилы были сторонниками возвращения в прошлое:

Кто не знает, кроме слабоумных, что ни о каком «повертывании к давно отжившему и ни при каких условиях более невозможному строю жизни» и речи быть не может. Незачем ездить в колымагах, когда есть кареты, железные дороги; незачем посылать письма с нарочными, когда есть почта и телеграфы, незачем одевать солдат в панцири и вооружать их пищалями, когда есть другое оружие, гораздо лучшее, незачем женщин запирали в гаремы или читать книги печати Федора-диакона, незачем воскрешать все это старое, когда существует новое, более совершенное. Только слабоумные могут поверить, что славянофилы желают в XIX веке воскресить Русь XVII века.

Характеризуя этот полемический прием как глупый, публицист предлагал спроецировать его на западников:

Петровская реформа, петровская реформа! Но возьмите XVIII век и скажите гг. западникам следующее: «западники, отстаивая петровскую реформу, желают введения пыток, обирания народа, преследования раскола, господства фаворитов, обмундирования войск по той форме, какая существовала при Минихе, бархатных кафтанов, париков, трагедий Сумарокова и парусного флота». Все скажут: что за глупость! Но когда западники говорят то же самое о славянофилах, когда до смешного серьезный «Голос» уверяет, что славянофилы желают «поворотить» к условиям жизни допетровской Руси, находятся люди, которые пожевывают губами и глубокомысленно говорят: «да, охабень теперь нам не к лицу»⁷.

В одном из следующих номеров публицист возвращался к этой мысли:

Неправда, что славянофильство хочет возврата к прошедшему: оно такое же прогрессивное движение, как и западничество, так же способное к разви-

⁶Люди и партии (Новое время. — 1881. — Апр. — № 1830. — С. 1).

⁷Там же.

тию и действительно развивающееся в отдельных поборниках этого учения, настолько многочисленных, что они могут считаться партией нового славянофильства или как хотите иначе называть⁸.

Подлинному прогрессизму славянофильства, по мнению автора, соответствовал и подлинный демократизм — который и был главной причиной неприязни западников: «Воскрешение некоторых форм общественной мысли допетровской Руси — вот что не нравится. Мужичье налезет и это оскорбляет форменный фрак благовоспитанных публицистов, лукавых как змии, но не мудрых, к счастью...»⁹

Суть славянофильства автор видел в том, что из него,

бесспорно, растет национальная русская партия, рассчитывающая только на свой разум и на свои силы и критически относящаяся к европейским буржуазным настроениям, не желающая повторить на русской почве тех неудобств и каторжных недоразумений, которые так бурно и так угловато разрешаются на европейской почве¹⁰.

При этом противостояние «славянофилов» и «западников» автор считал более старинным, чем сами петровские реформы:

По нашему мнению, даже западничество само жестоко ошибается, воображая, что просветительный путь, на который Россия вступила и по которому обязана шествовать, продолжается только двести лет. Он был сильно намечен еще до Петра, в особенности в южной Руси, в которой задолго до преобразователя были люди вполне образованные по-тогдашнему и было стремление к европейской науке. Конец XVI века отмечен сильным западным влиянием польского оттенка в тогдашней интеллигенции, и если б историк стал сравнивать то время и наше время, он нашел бы немалые сходства даже в том, что и тогда, в ту эпоху смуты и шатания, как и теперь, действовали две партии, из которых одну можно смело назвать западнической, а другую — народною русской¹¹.

Несколько сбавив обличительный тон, публицист предлагал и свое решение спора:

Западники и славянофилы могут превесело проводить время вместе, вместе обедать, выпить шампанского, говорить об отвлеченных вопросах, о новостях дня, о театре, о лицах и предметах, но на поприще практической деятельности они пошли бы разными путями, но к тем же целям благосостояния

⁸Люди и партии (Новое время. — 1881. — Апр. — № 1835. — С. 1).

⁹Люди и партии (Новое время. — 1881. — Апр. — № 1830. — С. 1).

¹⁰Люди и партии (Новое время. — 1881. — Апр. — № 1835. — С. 1).

¹¹Там же.

и развития, понимаемым только обоими не совсем одинаково, по крайней мере в ближайших результатах. Если б обе партии сознали это и признались в этом, то им бы не для чего было прибегать к оружию поистине изношенному и едва ли возбуждающему общественное доверие. Обе они могли бы работать на пользу государства, сообразно своим талантам, иногда близко сходясь, иногда раздвигаясь, но река русской жизни текла бы между ними, как между устоями; они могли бы, конкурируя в усердии, знании и таланте, составить такие же две основные партии у нас, как виги и тори в Англии. Виги — славянофилы, тори — западники. Эти сравнения ничего не имеют необычайного или странного, если вдуматься в значение той и другой партии и принять вместо английских условий жизни и истории — русские¹².

Отождествление либеральных западников с сословными консерваторами было лейтмотивом полемики «Нового времени». То же можно сказать и об отождествлении славянофилов с «буржуазной» британской партией (в рядах которой, впрочем, состоял и «отец» консервативной идеологии Э. Бёрк). Так, продолжая в следующем году свою традиционную полемику с «Голосом» и характеризуя эту газету как «ветхую грешницу с фальшивым политическим румянцем, с вставными зубами либерализма», «Новое время» заключало:

Пора бы уж, давно пора, перестать делить по установившимся канцелярским рубрикам нашу печать на охранительную и прогрессивную. При крайней смуте идей и мнений в нашем обществе и в нашей печати и при практической неопределенности и ничтожности наших мнимых общественно-политических «партий», у нас не редко такое явление, что органы, считающиеся прогрессивными, являются на самом деле поборниками буржуазного спокойствия во имя узко-положительных, установившихся рутинных начал, а органы, признаваемые консервативными, выступают борцами тревожного движения вперед во имя высших, отвлеченных принципов [...] Возьмем вот хотя бы «Голос», распинающийся за причисление себя к прогрессивной печати, и «Русь», которую он считает, конечно, органом крайне консервативным. Прогрессивный «Голос» [...] ругает за необходимость расшаркивания и даже унижения перед Австриею во имя охранения мирных биржевых интересов, во имя кредитного рубля; он печется о текущем дне и ревнует о мелких и практических интересах текущего дня. А консервативная «Русь» в это самое время ревнует о национальном достоинстве и об интересах славянства; она печется о будущем и во имя широких интересов будущего. Выходит, стало быть, что «Голос» в этом случае *охраняет* и притом охраняет будничные,

¹²Люди и партии (Новое время. — 1881. — Апр. — № 1835. — С. 1).

уличные интересы и начала, а «Русь» стремится к живому поступательному движению вперед, к развитию, то есть к прогрессу¹³.

Об «охранительном» характере либерального западничества Суворин писал и раньше. Так, в своем знаменитом фельетоне, посвященном упразднению III отделения, редактор «Нового времени» вполне в славянофильском духе отождествлял «петровский» дух с революционным:

Третье отделение в некотором смысле было... либерально. Не пугайтесь и выслушайте до конца. Оно было созданием Петровской России и праотец его, Преображенский приказ, действовал — как бы это сказать? — в смысле реформаторском, направляя свои усилия на консерваторов [...] Стрельцы, раскольники, люди, стоявшие за старые учреждения, люди, не хотевшие подчиниться слишком тяжелой для народа новизне, все эти люди преимущественно преследовались и поклонники реформы, современники, очевидно смотрели на консерваторов как на врагов отечественного преуспеяния. Темная сторона этих преобразований, страшные насилия над совестью и мыслью, кровавые потоки и свист кнута за одно ношение бороды — все это в настоящем виде было изображено и доведено до сведения публики только в наши дни [...] Правы они были или не правы, разбирать не станем, потому что это не входит в нашу задачу, но весьма легко найти сходство в *либеральных* целях и средствах между петровскими преследованиями, пытками и застенками и террористами французской революции. Террор там и здесь, но террор ради нивелирования людей и мнений, ради создания чего-то однородного и *высшего, более либерального, более соответствующего* требованиям цивилизации и высшей справедливости¹⁴.

Публицист обращал внимание читателя и на причины, по которым власть отождествляла славянофилов с революционерами:

Все мало-мальски резкое этой системе не нравилось — славянофилы были для нее всегда гораздо противнее либералов, потому что либерального духа не было чуждо и само отделение, но славянофильского, заявлявшего себя чем-то допетровским и какою-то смесью этого старого вечно протестующего начала, столь живого в расколе, с чем-то неудобопонятым и таинственным, с каким-то «фармазонством», оно было совсем чуждо. Зачем эти отлички, к чему? Оно, наверное, радовалось, когда либералы (не все, прошу помнить, не все) и так, и сяк смеялись над славянофильством, которое вырождается в русскую партию. К тому же явилась преступная традиция: кто-то уверил некоторых представителей этого отделения, что славянофилы ведут свое начало от

¹³Покаянный фарс «Голоса» (Новое время. — 1882. — Февр. — № 2139. — С. 2).

¹⁴*Незнакомец*. Недельные очерки и картинки (Новое время. — 1880. — Авг. — № 1605. — С. 3).

Пестеля. Явился панславизм и пошел в один сосуд со славянофильством, а там немцы подсказали, что нигилисты направляются славянофилами. Потому либералы были подходящее и милее, чем славянофилы, не говоря уже о том, что они были удобопонятнее¹⁵.

«Новое время» последовательно поддерживало «Русь» и в ее полемике с либеральной печатью — например, защищая аксаковское издание от обвинений «Новой газеты» и «Вестника Европы», где в июльской книжке появилась статья «Ретроградная печать», — в которой «Русь» наряду с «Московскими ведомостями» обвинялась в реакционности:

Особенно едко подсмеивается «Русь» над жалобами «Вестника Европы» на то, что «Русь» *навязывает* ему кличку *либерала*. Это уже какое-то лучезарное бесстыдство, говорит «Русь», — мы вас-то либералами никогда и не считали, и только то и дело срываем с вас маску либерализма¹⁶.

В другом номере отмечалась публикация в «Русской старине» писем В. И. Назимова министру просвещения А. С. Норову, из которых цитировались наиболее актуальные фрагменты: «западные публицисты сочинили слово *панславизм*, под которым разумели ими же придуманное стремление славянских племен к политическому слиянию, провозглашая при каждом удобном случае, что Россия будто бы покровительствует этому стремлению в видах собственных интересов». «Новое время» так комментировало этот отрывок:

Как, однако мало перемен в этом отношении! В том лишь вся и разница, что в унисон западным публицистам ныне ту же канитель тянут многие российские публицисты [...] Между прочим, Назимов ставит на вид министру, что если обвинять всех любящих славянскую старину и историю, то следует в ряду с ними обвинять и таких деятелей нашей литературы, как Карамзин, Пушкин, Грибоедов и Гоголь, которые тоже любили мыслью обращаться к древней России и в ней искать примеров для нынешнего поколения¹⁷.

Обширный фельетон был посвящен публикации «Русью» материалов судебного процесса по делу прежней аксаковской газеты «Москва». Комментируя слова министра внутренних дел А. Е. Тимашева о «вредном направлении» издания, «Новое время» отмечало:

¹⁵ *Незнакомец*, Недельные очерки и картинки (Новое время. — 1880. — Авг. — № 1605. — С. 3).

¹⁶ Среди газет и журналов (Новое время. — 1881. — Авг. — № 1950. — С. 2).

¹⁷ Среди газет и журналов (Новое время. — 1882. — Февр. — № 2132. — С. 2).

Отметим лишь тот поучительный факт, что через 13 лет многие пункты «вредного направления» откровенно начертаны правительством как руководящие начала государственной политики, что многие явления, несочувствие к которым 13 лет назад считалось доказательством «вредного направления», теперь объявлены или молчаливо признаются ненормальными и требующими исправления. Если таким образом генерал-адъютант Тимашев выиграл процесс в высших учреждениях империи, добился обвинительного приговора против «Москвы», то жизнь кассировала — и очень скоро — этот приговор. Прозорливость министра, непогрешимость его усмотрения, от которого зависели судьбы, направление и само существование печати, оказались более чем сомнительными, а взгляды самого министра, долженствовавшие быть чуть не обязательным руководством для повременных изданий, во многих случаях, как показали последующие события, были слишком узки и даже партийно-односторонни, в других же прямо — ошибочны. Теперь все это с особенной яркостью бросается в глаза. Но и теперь, если не фактически, то юридически положение нашей печати остается таким же, как оно было 13 лет назад, даже менее благоприятно вследствие последующих «дополнений и разъяснений» во временных правилах 1865 г., открывших «единоличному усмотрению» министра еще больший простор. Значит, приведенные подробности министерского обвинительного рапорта — не летописное сказание, ставшее достоянием истории, а нечто такое, что может и впредь повториться для печати, с тою лишь особенностью, что при этом не потребуются уже участие сената или государственного совета, который в процессе «Москвы» доставил ее издателю, по крайней мере, то утешение, что, соглашаясь с министром внутренних дел о необходимости прекратить «Москву», постановил, однако, что направление ее по существу нельзя назвать вредным¹⁸.

При этом «Новое время» поддерживало отнюдь не все издания «русского направления». Довольно резко отзывалось оно о близком к славнофильским кругам редакторе «Санкт-Петербургских ведомостей» В. В. Комарове, опубликовавшем открытое письмо генерала К. Г. Эрнота о своей деятельности в Болгарии:

Посмотрите, в самом деле, какое отвратительное зрелище представляет этот офенбаховский «генерал» Комаров с своею жалкою газетой, которую он исхитил невероятным пролазничеством и которую запачкал так основательно своим бездарным и невежественным редакторством. Ему, офенбаховскому «генералу», присылают для напечатания в его органе письмо уже не фантастического, а настоящего генерала. В лакейском восхищении от того, что запачканные всяческими бездарностями и неприличностями столбцы

¹⁸ «Вредное направление» на суде (Новое время. — 1882. — Янв. — № 2112. — С. 3).

его газеты украсились писаниями «государственного человека», оффенбаховский «генерал» требует, чтобы к этому писанию и прочие органы относились так же «с благодарностью», как относится он, мальчик, которому «подали на хлеб». Он не понимает, как можно обращаться со свободной критикой к писаниям «государственного человека». По отношению к писаниям «государственного человека» он не знает иного тона, кроме холопского¹⁹.

Периодически доставалось на страницах суворинской газеты и такому эпигону славянофильства, как С. Ф. Шарапов. Отношения последнего с Сувориным требуют отдельного исследования, поэтому здесь мы затронем их предельно кратко. Шарапов сам был сотрудником «Нового времени» с первых лет его существования под суворинской редакцией, а в 1877 г. писал Алексею Сергеевичу:

Я к нему («Новому времени») привязан, мне оно стало родственно, я прочитываю его до последнего объявления, точно свою газету... Это похоже на *любовь к женщине*. И мучаешь ее иногда, и эксплуатируешь, а все любишь и хотел бы для нее сделать всё. Эти платонические отношения очень глупы по отношению к газете именно потому, что ей приносят мало пользы... (Шарапов, 1877: л. 11)

Отвечая в целом Шарапову платонической взаимностью, Суворин и в дальнейшем публиковал его корреспонденции — однако как к идеологу и теоретику относился к нему осторожно. Так, в 1882 г. «Новое время» насмешливо-благожелательно отзывалось о книге Шарапова «Будущность крестьянского хозяйства»:

Если оставить в стороне крайне претенциозный тон книжки, а также неуместные, порою даже неприличные выходки, как, например, приплетение каких-то «либералов» к вопросу об интенсивном хозяйстве, противниками которого помянутые «либералы» будто бы являются, тогда как сам автор, без сомнения, благонадежен, ибо стоит больше за искусственное удобрение [...] то нельзя не признать, что тема, избранная г. Шараповым для своего труда, в высшей степени важна²⁰.

Подобное отношение не изменилось и многие годы спустя, что и дало повод Шарапову написать в своем письме: «Вы всегда иронически относились к моему спасательству, но ведь кому-то нужно спасать Россию? Ведь в деревне черт знает что делается» (Шарапов, 1898: л. 63об). Суворина это не убедило, и уже в 1905 г., откликаясь на возобновление

¹⁹Бонапартисты русской печати (Новое время. — 1881. — Авг. — № 1949. — С. 2).

²⁰Библиографические новости (Новое время. — 1882. — Март. — № 2180. — С. 3).

Шараповым «Русского дела» и защищая от его критики идею Земского собора, редактор «Нового времени» напишет: «В финансовые „комбинации“ г. Шарапова я никогда не верил, а теперь не верю и в его политические „комбинации“»²¹.

Впрочем, полемизировало «Новое время» и с дружественной аксаковской «Русью», подчеркивая при этом, что, «отдавая заслуженную дань талантливости, искренности и уму ее уважаемого редактора и издателя, мы вовсе не думали лишать себя права свободного обсуждения мнений „Руси“ по тому или другому вопросу и считали бы обидным ставить эту газету в какое-то исключительное положение, оставляя ее „вне критики“...» Причиной спора послужил рабочий вопрос, в котором «Новое время» выступило против аксаковской газеты, защищавшей целостность крестьянской общины и осуждавшей крестьян, уходящих в город на заработки:

«Русь» как бы не хочет заглянуть в душу этих городских поневоле тружеников, оторванных по целым полугодиям от семьи и дома. Сколько бы «Русь» ни усматривала «грогательности» и «сентиментальности» в наших словах — мы не решимся бросить камнем в этих беглецов деревни, смиренно и безропотно покоряющихся судьбе и посылающих свои городские сбережения в деревню. Мы убеждены, что почтовые книги Петербурга и Москвы содержат драгоценные оправдания крестьянина, ищущего заработков в городе, от всяких наветов в огульном пьянстве и разврате²².

Но, разумеется, все эти противоречия носили частный характер и не затрагивали «общего знаменателя» изданий «русского направления» — так называемой народной политики. И здесь «Новое время» всегда шло в фарватере аксаковской газеты, цитируя последнюю при всяком удобном случае: «...в России истинный центр тяжести только в народе. Наш устой только в нем; только народность должна и может служить правительству путеводным компасом в бушующей около него теперь, залепляющей очи, мятелице идей и понятий»²³. Суворинская газета присоединялась к аксаковскому призыву:

Было бы однако очень полезно, кажется нам, чтобы правительство яснее, тверже поставило знамя русской национальности, как единственного своего руководящего начала, в делах не только внешней политики, но и внутренней, во всех своих начинаниях и действиях — громче провозгласило принцип

²¹ *Суворин А.* Маленькие письма (Новое время. — 1905. — Янв. — № 10368. — С. 5).

²² Притязательность «Руси» (Новое время. — 1881. — Янв. — № 1965. — С. 1).

²³ Среди газет и журналов (Новое время. — 1882. — Янв. — № 2102. — С. 2).

народности и выразило как-нибудь знаменательнее действительный союз свой с землею [...] Раз национальное начало будет провозглашено, явлено, ознаменовано, — чувство народности пробудится во всех сердцах с новою силою и вытеснит свободно и естественно, даже в среде самой нашей «интеллигенции» весь напускной сумбур чуждых представлений и чувств; народное доверие к правительству придает ему новую силу, а полный простор, предоставляемый полемике мнений, как бы радикальны они ни были, послужит не к увлечению шатких умов, а лишь к вящему утверждению истины²⁴.

Но при этом «Новое время» поддерживало и другой призыв «Руси» к правительству: не внимать «голосу тех охранителей», «которых консерватизм имеет будто своим главным основанием, как и в Англии, крупную собственность [...] по мнению „Руси“, эти элементы опаснее самой крамолы, ибо они сбивают Россию с национального пути, в котором все наше спасение от крамолы»²⁵. В следующем году сам Суворин в своем фельетоне, посвященном коронации нового государя, также обращался к аксаковскому авторитету и цитировал:

В том-то и значение русского Царя, и основа благодетельной независимости Его власти, что Он не есть ни какой-либо «первый дворянин», как бывало во Франции, ни представитель какого-либо господствующего в данную пору сословия, ни вождь известного разряда единомышленников, ни даже глава пресловутого «большинства». Он — первый человек своей земли и своего народа, никому и ничему не подвластен, лишь Богу и Его заповедям²⁶.

Активно цитировало «Новое время» и выступления М. Д. Скобелева — в частности, речь, посвященную годовщине взятия Геок-Тепе. В ней генерал излагал свои взгляды на современную международную ситуацию, подчеркивая, что «нашему веку суждено было воочию испытать, что сильнейший относительно якобы слабейшего основывает свои отношения на крови и железе и что правом повелевает сила». Как следствие,

если, господа, в делах частных чувство недоверия друг к другу не может быть никому симпатично, то, напротив того, крайнее недоверие ко всему иноплеменному, могущему нарушить законные исторические идеалы отечества — есть патриотическая обязанность, ибо немислимо допустить, чтобы провозглашенная ныне теория торжества сильного бесправия над слабейшим правом могла бы быть собственностью одного лишь племени²⁷.

²⁴Среди газет и журналов (Новое время. — 1882. — Окт. — № 2012. — С. 2).

²⁵Там же.

²⁶Незнакомец. В гостях у Москвы (Новое время. — 1883. — Май. — № 2594. — С. 1).

²⁷Речь Скобелева (Новое время. — 1882. — Янв. — № 2112. — С. 1).

Однако указывал Скобелев и на препятствия, возникающие на этом пути:

Опыт последних лет убедил нас, что если русский человек случайно вспомнит, что он, благодаря своей истории, все-таки принадлежит к народу великому и сильному, если, Боже сохрани, тот же русский человек случайно вспомнит, что русский народ составляет одну семью с племенем славянским, ныне терзаемым и попираемым, тогда в среде известных *доморощенных* и заграничных иноплеменников поднимаются вопли негодования и этот русский человек, по мнению этих господ, находится лишь под влиянием [...] каких-нибудь вакханалий.

Выход из этой ситуации, обусловленной «прискорбной рознью» между народом и интеллигенцией, генерал находил все в той же «народной политике»:

Господа, всякий раз, когда Державный Хозяин Русской Земли обращался к своему народу, народ оказывался на высоте своего призвания и исторической потребности минуты; с интеллигенцией же не всегда бывало то же, и если в трудные минуты кто-либо банкрутился перед царем, то, конечно же, это интеллигенция. Полагаю, что это явление вполне объяснимо: космополитический европеизм не есть источник силы и может быть лишь признаком слабости. Силы не может быть вне народа и сама интеллигенция есть сила только в неразрывной связи с народом²⁸.

Как известно, куда более широкий резонанс имела другая речь Скобелева — произнесенная в том же 1882 г. перед сербскими студентами. Комментируя реакцию зарубежной и либеральной прессы на это антигерманское выступление, «Новое время» иронически отмечало, что для того, чтобы произвести благоприятное впечатление на своих критиков, генерал мог бы взять «Голос» и пересказать его передовицы, твердившие о слабости России: «Такую речь „Голос“ счел бы верхом такта и либерализма, немецкие газеты прочли бы ее с удовольствием и сказали бы, что отпускают Скобелеву первую речь»²⁹.

Чуть раньше, подводя итог «похоронного» 1881 г., Суворин указывал на перелом в общественном сознании, произведенный «событием 1-го марта»:

Иногда общество не отдает себе ясного отчета именно в этой внутренней работе, которая, под влиянием событий, совершается постепенно. Эта работа

²⁸Речь Скобелева (Новое время. — 1882. — Янв. — № 2112. — С. 1).

²⁹Сумятица и ложь в Европе (Новое время. — 1882. — Февр. — № 2138. — С. 1).

именно была и работа сильная. Яснее определялись стремления поклонников Запада и яснее высказывались взгляды так называемых «самобытников». Новое слово это было выдуманно для насмешки и употребляется как ироническое, даже как презрительное. Чуть вскрывалась какая-нибудь гадость — это, мол, самобытное, точно гадостей не существует на Западе, точно по-западному мыслящий человек способен производить только доблестные дела и думать великие думы [...] Какие самобытники, сказал некто: это просто лапотники. Хотя бы и лапотники. Лапоть вещь очень реальная и серьезная и от него никуда не уйдешь, никак не спрячешься ни в шелки и бархат, ни в хоромы. Это вывеска значительного большинства населения³⁰.

Не менее реальным, чем лапоть, оказался отмеченный в том же фельетоне приезд в Россию Жюльетты Адам, основательницы и редактора журнала «Nouvelle Revue», которую Суворин характеризовал как «здоровую представительницу политического французского круга». Приезд видной французской националистки и феминистки подтолкнул публициста к размышлениям, несколько контрастирующим с выводом новейшей лондонской исследовательницы о «женофобии» Суворина (Макарова, 2019):

Бог знает, может быть, мы подошли к той загадочной грани, когда у нас самих и о нас самих могут судить справедливо только женщины, ибо они одни обладают свойством из множества деталей ухватить самые настоящие. Как только жизнь разбивается на мелочи, как только она становится особенно сложной, является необходимость в политической женщине. Поглядите в лагерь отчаянных врагов современного европейского порядка вещей — сколько женщин там и женщин деятельных. Друзья этого порядка тоже должны бы позаботиться об этом элементе, который пригоден совсем не для одних будuarов и маскарадной болтовни. Конечно, не кокоточный элемент тут потребен, элемент, соединяющий, конечно, вокруг себя, но соединяющий только во имя амуров и сатиров, а элемент более серьезный, мыслящий, не исключаящий, конечно, красоту³¹.

Впрочем, размышления эти не отличались особенной глубиной:

Женщины искреннее и открытое. Не говоря уже о том, что они открывают свою грудь, где бьется сердце, у них и лицо, это зеркало души, составляет нечто постоянное и открытое, как вам известно. Мужчины то и дело меняют лицо: то бреются совсем, то носят усы, то бакенбарды, то бороды и усы, то

³⁰ *Незнакомец*. Недельные очерки и картинки (Новое время. — 1882. — Янв. — № 2101. — С. 2).

³¹ Там же.

одну бороду без усов, то длинные волосы, то короткие. Они точно стараются придать своим лицам нечто такое, что сообщало бы им не то выражение, которое Господь Бог дал им. Когда мужчины все брились, то глупых людей легче было отличить по виду от умных. Ну а женщина беззащитна в этом отношении, зато если люди произошли от обезьяны, то мужчины сохранили от своих предков, в виде этой растительности на лице, гораздо больше, чем женщины. Впрочем, из этого, кажется, ничего не следует...³²

Своеобразное продолжение эти размышления получили в курьезном эпизоде, связанном с дальнейшим пребыванием Ж. Адам в России. Подробно освещавший его корреспондент «Нового времени» А. Н. Молчанов сообщал, что на обед с новым московским городским головой Б. Н. Чичериным иностранная гостья «явилась в том декольте, которое составляет верх искусства парижских портних — корсаж, не поддерживаемый ничем сверху и совсем без рукавов — а московские дамы, даже вдвое помоложе талантливой иностранки — все сидели наискромнейшим образом прикрытые до горлышка и до кистей своих ручек... И рассказывают, было не весело»³³. На следующий день газете пришлось опровергать свое невеселое сообщение:

В помещенном вчера «Письме из Москвы» г. Молчанова вкрались некоторые неточности относительно г-жи Адан. Г. Молчанов упомянул, что г-жа Адан была на двух обедах в декольте, которое составляет верх искусства парижских портних, но которое в Москве считается зазорным. Как мы узнали от самой госпожи Адан, она была на свадьбе, она была на обеде у князя Ш.-Г.-С. в дорожном костюме, а у г. А. в туалете столь же скромном, как и туалет хозяйки дома, — почему о каком-нибудь декольте не могло быть и речи. Мы сожалеем, что г. Молчанов, не видавший, как он сам пишет, г-жи Адан в Москве, — был введен в заблуждение полученными им сведениями и считаем своим долгом извиниться перед г-жею Адан³⁴.

Впрочем, политические воззрения высокой гостьи были все-таки важнее ее декольте. В корреспонденции Молчанова отмечались тесные связи Ж. Адам с «горячей поборницей русских интересов и русской самобытности за границей» О. А. Новиковой. Журналист сообщал читателю, что «взгляд г-жи Адан на значение национальности и убеждение ее в необходимости оживления чувства национальности во Франции положен

³² *Незнакомец*. Недельные очерки и картинки (Новое время. — 1882. — Янв. — № 2101. — С. 2).

³³ *Молчанов А. Н.* Письма из Москвы (Новое время. — 1882. — Янв. — № 2114. — С. 3).

³⁴ В помещенном вчера «Письме из Москвы»... (Новое время. — 1882. — Янв. — № 2115. — С. 1).

в основу программы издаваемого ею журнала „Revue Nouvelle“, и что в первой же книге журнала «много говорится о Галлии, о необходимости возродиться и стать опять галло-римлянами, о том, что одна из причин жестокого поражения, постигшего французов, лежит в забвении патриотических обязанностей»³⁵. Подробно пересказывалась Молчановым беседа Ж. Адам с И. С. Аксаковым, которому она «отрекомендовалась [...] — если можно так выразиться, — французским славянофилом»:

Мы имеем с вами много общего, говорила она; у нас 10 миллионов собственников, у вас 60 миллионов; вы ищете форм истинно народной жизни, мы также желаем и хотим иметь народное правительство [...] Число людей, сознающих необходимость создать истинно народную политику, научить народ патриотизму и сознанию его связи с правительством — число таких людей во Франции увеличивается с каждым днем, и я верю, что их идея рано или поздно восторжествует...³⁶

Но, конечно же, полного тождества между русским и французским славянофильством быть не могло:

И. С. пояснил m-me Адам то коренное различие, которая выработала история между царем и королем.

— Ваш король, сказал он, считал своим девизом быть *le premier gentilhomme*, первым дворянином, он гордился этим титулом и этот титул развенчал его в уме народной массы... Царь — бессловное лицо; он — нравственная связь между народом и господами; покровитель господ и защитник и адвокат народа. Ваш переход к конституции был ограничением прав главы дворянства, в России конституция была бы ограничением силы народного защитника, была бы делом антинародным и могла бы вызвать протест народа...³⁷

Следствием такой демократической самобытности был и заключавший беседу добрый совет, данный И. С. Аксаковым французским патриотам:

Когда будете воевать с Германией, сказал он, не давайте немцам времени вступить на вашу землю; непременно нападайте и тогда победа за вами. Между нами громадное различие. Мы примем всякого врага, как приняли Наполеона I: все сами сожжем на его пути и потом уничтожим его самого — нам не жаль наших деревянных городов, а у вас и у немцев стоит неприятелю подойти к городу, показать пушку и — ключи уже готовы...³⁸

³⁵ У г-жи Эдмон Адам (Новое время. — 1882. — Янв. — № 2099. — С. 4).

³⁶ Молчанов А. Н. Письма из Москвы (Новое время. — 1882. — Янв. — № 2110. — С. 2).

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Внешнеполитические взгляды «Нового времени» также, как отмечалось выше, во многом совпадали с аксаковскими. Традиционной для изданий «русского направления» была критика российской «внеземельной» дипломатии и апелляция к концепции «национального эгоизма» (Котов, 2024b; Kotov, 2023), в рамках которой суворинская газета последовательно выступала против либерального «пацифизма». Еще в 1876 г. Суворин иронизировал над «излюбленной темой либералов», утверждавших, что военное поражение даст толчок к прогрессу:

...вероятно, из сочувствия этой теме действовали и те интендантские чиновники, которые помогали Овсянникову³⁹ грабить армию, и те, которые готовы нажиться при изготовлении гильз, патронов, пороха, и те, которые готовы поджечь интендантские мастерские — они же, кстати, и горят уже, — чтоб схоронить в пожаре свои грехи; все это тоже доктринеры в своем роде:

— Помилуйте, Россия еще, пожалуй, победит, а вслед за победою последует застой: давайте обкрадывать казну. Это либерально...

Сопоставление, быть может, очень смелое, ибо гг. либеральные доктринеры «Вестника Европы» народ честный, но мне кажется, что бояться победы в таком вопросе, как изгнание турок из Европы, — значит обкрадывать народные чувства, обкрадывать его будущее и ничего не видеть в настоящем, кроме одного учебного вопроса, кроме своих маленьких делишек. Победа над турками поведет к совершенной перестановке народных отношений — это будет больше, чем победа аболиционистов над негроторговцами⁴⁰.

Показательным примером критики либерального «пацифизма» стал также отзыв на вышедшую в Берлине на французском языке брошюру П. Голенищева-Кутузова «Истинные интересы славянства и европейский мир. Ответ генералу Скобелеву». В брошюре «адепты восстаний, воинственных предприятий и насильственных переворотов всякого рода» противопоставлялись «людям просвещенным, преданным науке и мирному прогрессу, деятелям политики и литературы, мирным рабочим на пользу материального блага, интеллектуального и нравственного развития народов»⁴¹. При этом «граф Кутузов принадлежит тоже к славянским патриотам, к людям последнего закала, а для генерала Скобелева, причисленного к первому лагерю, ничего, кроме порицания,

³⁹Подробнее см.: Кони, 1966.

⁴⁰*Незнакомец*. Недельные очерки и картинки (Новое время. — 1876. — Окт. — № 215. — С. 2).

⁴¹По поводу одной брошюры (Новое время. — 1882. — Март. — № 2177. — С. 1).

не остается». Становясь, разумеется, на сторону Скобелева, «Новое время» заключало:

История знает много примеров, когда войны двигали вперед народы и государства, знает и мир мертвящий, когда умственные и нравственные силы народов вырождались, государства падали и разрушались, делаясь добычею всяких пришлецов. Тридцатилетняя война, война худшего типа, по преимуществу междоусобная, вконец разорила Германию, а между тем и эта война доставила торжество реформации, дала простор культурным силам в северной Германии, положила начало к ее расцвету; приостановилось развитие тех государств, которые хотели подавить реформационное движение, в том числе теперешней Австрии [...] Ну, а сколько политиков мирного развития, просвещенных, неустанно говоривших о мирном прогрессе, о материальном благе и нравственном развитии народов, навлекли на свою голову проклятие этих народов? Назовем одного Меттерниха. Для нашей обыденной жизни мир и спокойствие всегда благо, война всегда бедствие, но если граф Кутузов и говорит о мире и войне с культурной стороны, то огульно судить непозволительно; в каждом отдельном случае возникает вопрос сложный, который, увы, не разрешается ни возгласами, ни проповедями, ни самовозвеличиванием, ни самоунижением [...] Люди потому и осторожны в вопросах о войне и мире и хорошо делают, но из истории человечества выводить общие места — пустое дело [...] Преподавая прописные истины, можно быть учителем чистописания, а не политики. Политика не в прописях, а в жизни, в природе вещей⁴².

Чуть позднее, в очередной раз отвечая на обвинения в «шовинизме» и «лжепатриотизме», «Новое время» заключало: «„Шовинисты“ и „лжепатриоты“ не переставали твердить, что политика уступок неизбежно питает притязательность „друзей“ и тем самым роковым путем ведет к конфликту, потому что рано или поздно наступит момент, когда уступить будет нечего»⁴³.

Традиционным аргументом либеральной печати против «воинственной» внешней политики было напоминание об итогах войны 1877–1878 гг. Считая указание на тяжесть и бесполезность этой войны для России «незаслуженным бесславием», публицист «Нового времени» указывал:

Война 1876–1878 года была наступательная война *за идею*; велась неиспытанным в боевом отношении оружием и солдатам, не служившим в течение четверти века, а обязанным только кратковременной службой в рядах армии. Все было ново, неопытно, казалось слишком молодым и незрелым. Что же вышло? Посрамлены ли были русские знамена? Свободный солдат оказался

⁴²По поводу одной брошюры (Новое время. — 1882. — Март. — № 2177. — С. 1).

⁴³Среди газет и журналов (Новое время. — 1882. — Апр. — № 2196. — С. 2).

ли хуже крепостного, потерпела ли *идея*, за которую поднят был русский меч поражения? Нет, нет и нет!⁴⁴

При этом автор доказывал и выгоду для России результатов войны: был присоединен «превосходный черноморский порт» и «громадная земля в Азии с двумя крепостями, из которых Карс представляет перwokлассную твердыню». Стремление «умалить *колоссальные* заслуги России» «Новое время» связывало с нравственными качествами оппонентов: «В этих пошлых словах слышится шипение завистливой злобы, чудится страх мелких душонок и очевидно влияние иноземщины»⁴⁵.

Апелляция к «войне за идею», на первый взгляд, противоречила концепции «национального эгоизма», однако ее нельзя объяснить только «беспринципностью» редакции или хорошо известным суворинским «плюрализмом», готовностью публиковать тех авторов, с которыми сам редактор газеты был не согласен. Во время общественного подъема 1876 г. «Новое время», как и другие издания «русского направления», настаивало на необходимости помогать балканским славянам. Еще летом 1876 г., призывая общественность к денежным пожертвованиям, Суворин писал:

Вы не поверите, что испытываешь тут, как настрадаешься, как русский человек. Тут заметите, как ускользает славянская идея, как славяне теряют нас, и мы их, как может разрушиться этот союз славянский и как растет пангерманизм, как подчиняет он себе все и всех...

Славянские ль ручьи сольются в русском море,
Оно ль иссякнет — вот вопрос...

Это действительно вопрос времени, если мы будем продолжать отличаться непониманием нашей исторической задачи и равнодушием к славянскому делу⁴⁶.

Утверждая, что «в нравственном отношении» славяне «выше турок, но им недостает физической силы, недостает оружия, чтобы выбиться из-под ига народности, совершенно чуждой всей европейской цивилизации, всему христианству», Суворин далее рассуждал:

Одна Россия постоянно боролась с этою дикою ордою, Россия ее ослабила, Россия парализовала ее силы; но наш рост возбудил зависть в Европе [...] Нас стали ославлять варварами, нам стали приписывать завоевательные

⁴⁴Бесславию ли России (Новое время. — 1882. — Февр. — № 2144. — С. 1).

⁴⁵Там же.

⁴⁶*Незнакомец*. На пути в Белград (Новое время. — 1876. — Авг. — № 142. — С. 1).

планы чуть не на всю Европу; только в последние годы европейские писатели стали относиться к нам беспристрастно, стали знакомиться с нашей литературой, нашей жизнью, стали находить в условиях нашего социального быта много таких черт, которых не хватает Европе; не славянофилы только, а и европейские писатели начинают говорить, что за Россией великая будущность. Но эта будущность может ускользнуть от нас, так как она значительным образом зависит от того положения, которое мы должны занять среди одноплеменных нам народов.

Следовательно,

все те, которые сознают это, все те, кто верит в будущность своей родины, кто ее любит, кто желает видеть ее независимую, богатой, просвещенной, кто не желает видеть ее данницею немцев и англичан, пусть идут на помощь славян своими симпатиями, своими жертвами, своей пропагандой славянской идеи, всеславянского единения. Горько пожалеем мы, если упустим настоящий момент, если теперь потеряем веру в себя, в свои силы, в свое призвание. Все партии должны соединиться, все думать об одном, все действовать в одном направлении. Больше, чем когда-нибудь, теперь должно жить в нас убеждение, что мы сыны России и славянства и что удар, нанесенный славянству, горько отзовется на нас, на России⁴⁷.

В 1876 г. Суворин еще утверждал, что

вопрос так и пойдет разрешаться народным путем, если в русском обществе все более и более будет находиться тех живых сил, которые, не жалея себя, твердо сознавая национальные славянские интересы и ту роль, которая должна принадлежать России, будут стремиться в Сербию и образовывать там армию⁴⁸.

При этом он подчеркивал: «Когда говорим мы об объединении, мы отнюдь не разумеем — расширение Российской империи и подчинение ей славян. Еще весною говорили мы о том, что разумеем под этим объединением: союз славянских государств с гегемонией России, союз наподобие германского». Для того же, чтобы «пробудить народное сознание», необходимо было «дать ему *реальные* основы, ибо только такие основы могут поддерживать стремление общества к какой-нибудь, хотя бы идеальной цели». Необходимость соединять «идеальное» с «реальным» была тесно связана с необходимостью совмещать славянскую идею с национализмом каждого отдельного славянского народа:

⁴⁷ *Незнакомец*, Недельные очерки и картинки (Новое время. — 1876. — Авг. — № 145. — С. 3).

⁴⁸ *Незнакомец*, Недельные очерки и картинки (Новое время. — 1876. — Окт. — № 215. — С. 1).

Славянская идея прежде всего национальная идея и патриотическая. Как национальная идея, она обща всем славянам — русским, сербам, болгарам, словенцам, хорватам, черногорцам и проч.; сущность ее — соединение всех славян в один союз, который сделает для цивилизации больше, чем может сделать какая-нибудь одна отрасль славянского племени, отделенная от других и принужденная черпать свою силу только из своего источника или из источников посторонних, чуждых ей. Мы не знаем, что мы можем дать славянам и что нам они дадут, но этот обмен родственных племен непременно должен дать хорошие результаты уже по тому одному, что в настоящее время почти каждое славянское племя теряет пропасть сил на внешнюю борьбу с элементами, ему противоположными, которые стараются его поглотить.

Что касается *патриотической* стороны славянской идеи, тут возможны всякие взгляды — русские, сербские, болгарские, черногорские, и нападать на эти взгляды с пеною у рта, без знания истории и обстоятельств настоящего, а только с запасом фраз прямолинейного либерализма или космополитического радикализма — по меньшей мере бесплодно. Время должно показать, где правда; время смягчит резкости, найдет общие точки опоры, общая опасность округлит эти патриотические стремления. Никаким криком и даже целым морем радикальной пены вы тут ровно ничего не сделаете. Сделает время, уважение к чужим убеждениям, добросовестная политика во всеоружии знания, а не пустозвонный космополитизм, не самобичевание, не отсутствие патриотизма. Всякий славянин непременно патриот, если он носит в своей душе славянскую идею: серб, болгарин, черногорец и проч. Без патриотизма он потерял бы всякую почву под собою и давно расплылся бы в немецком море и даже упал бы на дно его. Только радикальный русский человек считает своим долгом не быть патриотом и несет с удовольствием в славянские земли свой беспардонный космополитизм, и врет о братстве народов радикальные фразы⁴⁹.

Из этого редактор «Нового времени» заключал:

Смею выразить такую мысль, что русские люди, наиболее необходимые в настоящее время в Сербии и вообще необходимые для славянского движения, это именно те, в которых сильна и национальная славянская идея, и патриотизм, т. е. любовь к *своей* родине, какова бы она, т. е. родина, [ни была], как бы мало она ни удовлетворяла нашим прогрессивным понятиям, преданность задачам, стремлениям, чести и достоинству этой многострадальной великой Родины, которую, по словам поэта, сам Христос с ношей крестной исходил, благословляя...

⁴⁹ *Незнакомец*. Недельные очерки и картинки (Новое время. — 1876. — Окт. — № 215. — С. 2).

Это меньше всего понимают либералы прямолинейные, воспитавшиеся на чисто европейских началах и вечно смотрящие на носок своего европейского сапога, чтоб как-нибудь он не своротил с той линии, которая проведена европейским либерализмом⁵⁰.

Уже упоминавшееся выше отождествление панславизма с нигилизмом было традиционным приемом, к которому прибегали оппоненты русского национализма — как сословные консерваторы, так и западная, прежде всего германская, печать. Протестуя против подобного отождествления, «Новое время» выступало солидарно не только с акаковской «Русью», но и с катковскими «Московскими ведомостями» — несмотря на сложные отношения с последними, особенно обострившиеся в период пребывания у власти М. Т. Лорис-Меликова и Н. П. Игнатьева. Полемизируя с германскими газетами, суворинская газета традиционно цитировала катковскую:

Как бы хорошо было, восклицают «Московские ведомости», если бы Германия в самом деле объявила войну нигилистам и забрала бы их к себе в плен! Но оратор называет нигилистов панславистами, следуя в этом установившемуся в некоторой части германской печати обычаю смешивать разнородное и подставлять один термин вместо другого, что в обыкновенном обиходе называется подлогом. Неужели, в самом деле, эти господа думают, что панслависты и нигилисты одно и то же понятие? Но изо всех партий в Германии в ближайшем родстве с нигилистами состоят социал-демократы, разнясь от них только тем, что имеют в своей стране *raison d'être*, между тем как нигилисты в России не имеют никакой почвы и служат орудием чуждой русскому народу и враждебной крамолы, направляемой из других стран под именем «интернационалки». Стало быть, социалисты, против которых в Германии недавно издан закон, тоже панслависты? Они также преследуют своими покушениями императора германского. Гедель, стало быть, также панславист?

Никто в России, заключают «Московские ведомости», не рвется в Константинополь, тем менее кружным путем через Берлин. Никто в России не помышляет о присоединении славянских племен к Российской державе⁵¹.

Далее публицист «Нового времени» развивал эту мысль:

Все это выдумки, которые служат только уловкой политике для прикрытия иных видов. Под именем панславизма господа, подобные г. Кардорфу, разумеют просто-напросто Россию, которая помнит свои предания, верит в свое

⁵⁰ *Незнакомец*. Недельные очерки и картинки (Новое время. — 1876. — Окт. — № 215. — С. 2).

⁵¹ Среди газет и журналов (Новое время. — 1880. — Февр. — № 1422. — С. 2).

призвание и может иметь свои интересы, свою национальную политику, никому, впрочем, не враждебную и никогда не замышлявшую похода через Берлин на Константинополь, к стенам которого она подходила недавно кратчайшим путем и не вошла в него не потому, что не могла, а потому, что не хотела⁵².

При этом «Новое время» обращалось и к публикациям «Московских ведомостей» десятилетней давности, когда последние вели борьбу с консервативно-аристократической «Вестью» и защитниками остзейскими привилегий. Суворинская газета цитировала Каткова:

Открытие нигилистического заговора в России, — пишут в «Ostsee-Zeitung» из Варшавы, — не преминет вызвать сильную реакцию против национальной демократии, представляемой «Московскими ведомостями» [...] и ослабить ее влияние по крайней мере в правительственных сферах. Уже теперь со стороны консервативной партии в России слышатся трезвые голоса, которые указывают на близкое духовное сродство этой национальной демократии с нигилизмом и свидетельствуют, что последний порожден и воспитан первой, ибо хотя русская национальная демократия (т. е. русский народ) внешним образом и придерживается царизма, но тем не менее ее политические, социальные и религиозные убеждения совершенно нигилистического свойства. Добы осуществить их, она в данном случае и пожертвует царизмом. Особенно благотворное влияние окажет падение национальной демократии на дела в бывших польских областях, равно как и в балтийских провинциях. А потому здесь (в Варшаве), как в польских, так и в официальных кругах, смотрят с напряженным вниманием на возбужденную открытием нигилистического заговора борьбу консервативной партии против национальной демократии⁵³.

К этому «Новое время» прибавляло:

Тогда «национальный нигилизм» был приурочен к ним («Московским ведомостям». — А. К.) и приурочен именно «консервативной» партией, которая, очевидно, и тогда «трезвостью» ничуть не уступала г. Цитовичу и даже несомненно имела над ним преимущество, ибо так просто и ясно заявляла о своих вождениях через немецкие цейтунги и через русскую «Весть». Выходит, ничто не ново под луною...

Далее — вполне в духе Каткова — указывалось на то, что нигилизм по своей природе антинационален и его подлинным союзником является «консервативная (с включением польской и немецкой) партия», и что, «кажется, и в этом отношении 1880-й год не много разнится от 1870...»⁵⁴.

⁵²Среди газет и журналов (Новое время. — 1880. — Февр. — № 1422. — С. 2).

⁵³Среди газет и журналов (Новое время. — 1880. — Апр. — № 1472. — С. 3).

⁵⁴Там же.

Таким образом, западная критика панславизма оказывалась тесно связана с российской внутривластной повесткой, соответствуя вполне определенным сословным и этническим интересам оппонентов русской «народной политики». Так, например, во время герцеговинского восстания 1882 г. «Новое время» указывало на новые «толчки на тему о панславизме в России, который ставится в тесную связь с нигилизмом, о внутреннем ее неустройстве, о неспособности русского общества к самоуправлению и ко всякому распорядку без помощи немцев, и, разумеется, о несправедливости отношения к домашним культурным племенам — отечественным немцам и в особенности — к полякам»⁵⁵. Особенно возмущал суворинскую газету петербургский корреспондент аугсбургской «Allgemeine Zeitung»:

Ему желалось бы доказать, что так называемый «панславизм», т. е. стремление в России к сближению со славянскими народностями и к защите их прав — явление чисто революционного свойства, и для борьбы с ним нужны немцы. Образование ряда небольших славянских государств равносильно было бы раздроблению и «революционизированию» России — так предостерегает пекущийся о целостности России немецкий публицист [...] Короче, война против «панславизма» ведется немцами в наших же русских интересах, и как это мы до того недалёковидны, что сами же отталкиваем наших опекунов! [...] Мнимое родство «панславизма» с нигилизмом усердно доказывается немецкой газетой с целью прийти к понятному выводу: обратиться к русскому правительству с просьбой принять, наконец, меры, выразить свою решительную волю и тогда «панслависты как будто бы никогда не существовали». И с какими логическими и диалектическими подходами достигают немецкие публицисты этого вождя заключенного! Тут есть и указание, что начало последних революционных проявлений в России совпадает с временем восточной войны из-за славян (ну а прежние проявления, нечаевская, каракозовская история — тоже совпадают с участием к славянам?). Есть и заботливость, как бы Россия не впала в варварство, с уничтожением плодов реформы Петра Великого, короче, есть все, кроме правды, и эти инсинуации осторожно рассчитаны на желаемое влияние в русских правящих сферах: авось там вспомнят, что без немцев Россия, как образованная страна, существовать не может⁵⁶.

Со своей стороны, «Новое время» решительно отвергало эти обвинения: «На деле у нас нет панславистов, от войны отреклись, а берлинский офицер проговорился — гибель России он предсказывает

⁵⁵Немецко-польские голоса (Новое время. — 1882. — Февр. — № 2145. — С. 1).

⁵⁶Там же.

только в том случае, если ей будут управлять одни государственные люди, спасение обещает при управлении других, ему приятных сановников»⁵⁷. Эти слова вполне соответствовали позиции графа Игнатьева, также излагавшейся на страницах газеты, которая пересказывала его интервью британскому журналисту, упомянувшему о возможной роли России в герцеговинском восстании:

Панславизм... возразил граф Игнатьев. Какой тут панславизм? Россия симпатизирует восставшим вследствие сходства расы и религии, но скажите мне, чем вызван панславизм? Пангерманизмом. Идея пангерманизма вызвала идею панславизма. Но как это извращается! Болгария не желает соединиться с Сербией, а Сербия не желает соединиться с Болгарией. Обе патриотичны, но только для себя. То же самое должно сказать об австрийских славянах. Они верные подданные императора. И при всем этом Россию обвиняют в стремлении соединить тех и других, которые не хотят соединиться между собой, под свою власть! Россию обвиняют, что она побудила Австрию занять Боснию с целью загнать славян в свои руки. Для чего бы она это сделала? Нет, это сделано не Россией⁵⁸.

Отражая общественные настроения той поры, в начале 1880-х гг. газета все более дистанцировалась от вмешательства в дела славянских стран. С одной стороны, редакция подчеркивала, что «во веки веков русская политика не отнесется сочувственно к упрочению власти католической, полу-немецкой, полу-мадьярской державы над славянами Балканского полуострова»⁵⁹. С другой — делала упор на необходимости собственной борьбы за независимость:

Не пора ли самим братьям славянам подумать о том, как им удобнее, легче и с большими надеждами на успех вести борьбу за независимое существование? Полагаться на одну нравственную поддержку Англии далеко не безопасно. Не подобает также вечно требовать жертв от России и в ожидании русского заступничества сидеть сложа руки, не развивать национальных сил, прозябать в мелочном партикуляризме⁶⁰.

При этом первые шаги славянских государств на этом пути скорее приветствовались. Газета одобряла деятельность А. Баттенберга: «Болгарское министерство выражает теперь желание сделаться вполне

⁵⁷Ежедневное обозрение (Новое время. — 1882. — Март. — № 2162. — С. 1).

⁵⁸Внешние известия (Новое время. — 1882. — Март. — № 2183. — С. 2).

⁵⁹Ежедневное обозрение (Новое время. — 1881. — Сент. — № 2008. — С. 1).

⁶⁰Там же.

национальным»⁶¹. Приветствовалось и провозглашение Сербии королевством, осуществленное Миланом Обреновичем⁶².

Пройдет совсем немного времени, и этот благожелательный тон сменится последовательной критикой прозападного курса славянских государств. В этой критике «Новое время» также будет придерживаться славянофильской традиции — не случайно его постоянными авторами в 1880-е гг. будут бывший деятель славянского движения 1876 г. Г. С. Веселитский-Божидарович (Пахомова, 2023) и «западнорусский» ученик Аксакова П. А. Кулаковский (Котов, 2024а). Впрочем, без «славянской взаимности» это славянофильское наследие сравнительно быстро (и не только на страницах «Нового времени») трансформируется в консервативно-демократический национализм — закономерно и по праву наследующий политические идеи Ю. Ф. Самарина, но объективно не способный воспроизвести его аристократических интонаций и личных стратегий.

Источники

Рукописные источники

- Шарапов С. Ф.* Суворину А. С. 9 апреля 1877 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). — 1877. — Ф. 459. — Оп. 1. — Ед. 4682.
- Шарапов С. Ф.* Суворину А. С. 4 декабря 1898 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). — 1898. — Ф. 459. — Оп. 1. — Ед. 4682.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков И. С.* Суворину А. С. 2 октября 1884 г. // Письма русских писателей к А. С. Суворину. — Л. : ГПБ, 1927а. — С. 18–20.
- Аксаков И. С.* Суворину А. С. 6 февраля 1881 г. // Письма русских писателей к А. С. Суворину. — Л. : ГПБ, 1927б. — С. 12–13.
- Бадалян Д. А.* Полемика о Земском соборе в русской прессе начала 1880-х гг. // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2013. — Т. 201. — С. 27–36.
- Бадалян Д. А.* «Хоть Вы и министр внутренних дел, однако же Вы все-таки — „Игнатъев“, имя которого нераздельно связано с понятием о национальной русской политике». Письма И. С. Аксакова графу Н. П. Игнатъеву. 1868 и 1880–1885 гг. // Исторический архив. — 2023. — № 5. — С. 157–185.
- Власов Н. А.* Образ российского панславизма в германской официальной прессе конца XIX века // Научный диалог. — 2023. — Т. 12, № 10. — С. 326–343.

⁶¹ Ежедневное обозрение (Новое время. — 1882. — Февр. — № 2147. — С. 1).

⁶² Внешние известия (Новое время. — 1882. — Февр. — № 2159. — С. 2).

- Динерштейн Е. А.* А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. — М. : РОС-СПЭН, 1998.
- Кони А. Ф.* Дело Овсянникова // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 1. Из записок судебного деятеля. — М. : Юридическая литература, 1966. — С. 37–45.
- Котов А. Э.* «Царский путь» Михаила Каткова : идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов / под ред. С. К. Лебедева. — СПб. : Владимир Даль, 2016.
- Котов А. Э.* «Белый нигилизм» в русской консервативной публицистике второй половины XIX – начала XX вв. // Тетради по консерватизму. — 2017а. — № 2. — С. 68–75.
- Котов А. Э.* С. С. Татищев и А. С. Суворин : спор о народном представительстве // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8–9 декабря 2016 г. Сборник научных статей. Ч. 1 / под ред. А. Б. Николаева. — СПб. : ЭлекСис, 2017b. — С. 77–84.
- Котов А. Э.* П. А. Кулаковский — сотрудник «Нового времени» // Русско-византийский вестник. — 2024а. — № 2. — С. 29–35.
- Котов А. Э.* «Эгоизм есть добродетель народов» : русские консерваторы и славянский вопрос на рубеже 1880-х – 1890-х гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. — 2024b. — № 2. — С. 34–39.
- Ленин В. И.* Карьера // Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 22. — М. : Изд-во полит. лит-ры, 1973. — С. 43–44.
- Макарова О.* «Женский вопрос» в жизни и творчестве А. С. Суворина. — М. : Новое литературное обозрение, 2019.
- Паломова Л. Ю.* Источники информации в корреспонденции Г. С. Веселитско-го-Божидаровича в газетах «Новое время» и «Московские ведомости» // Историки-слависты МГУ. Кн. 15. Ключевые проблемы истории южных и западных славян в новое и новейшее время (к 100-летию профессора В. Г. Карасева) / под ред. Г. Ф. Матвеева. — М. : Издатель Степаненко, 2023. — С. 163–184.
- Розанов В. В.* Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине // Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. — СПб. : Новое время, 1913. — С. 3–66.
- Санькова С. М.* Два лица «Нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии. — Орел : Госуниверситет — УНПК, 2011.
- Солоусов А. С.* Политические взгляды А. С. Суворина конца XIX – начале XX вв. (по материалам дневниковых записей и «Маленьких писем») // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. — 2007. — № 36. — С. 104–107.
- Тесля А. А.* Этапы истории славянофильства в контексте исследований национализма // Вестник ТОГУ. — 2011. — № 3. — С. 207–216.
- Тесля А. А.* Первый русский национализм. — М. : Европа, 2014.

Тесля А. А. Место славянофильства в типологии консерватизма // Статис. — 2020. — № 2. — С. 13–40.

Цимбаев Н. И. Славянофильство : из истории русской общественно-политической мысли XIX века. — М. : ГПИБ России, 2013.

Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. — М. : Русская книга, 1994.

Kotov A. E. “Nestlings From the Katkov Brood” in the Late 1880s : Nationalists in the Empire // Social Sciences. — 2023. — Vol. 54. — P. 106–120.

Kotov, A. E. 2025. “‘Slavyanskiy shkaf’ v suvorinsky redaktsii [‘The Slavic Locker’ in Suvorin’s Office]: slavyanofil’stvo na stranitsakh ‘Novogo vremeni’ nachala 1880-kh gg. [Slavophilism on the Pages of ‘Novoe Vremya’ in the Early 1880s]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 9 (2), 122–154.

ALEKSANDR KOTOV

DOCTOR OF LETTERS IN HISTORY

PROFESSOR

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY (ST. PETERSBURG, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-5226-9552

“THE SLAVIC LOCKER” IN SUVORIN’S OFFICE

SLAVOPHILISM ON THE PAGES OF “NOVOE VREMYA” IN THE EARLY 1880S

Submitted: Jan. 10, 2025. Reviewed: Mar. 20, 2025. Accepted: Apr. 14, 2025.

Abstract: The article is devoted to the reception of Slavophilism on the pages of Suvorin’s “Novoe Vremya”. The vastness of this problematic leaves the opportunity to outline it only in general terms. Characterizing Suvorin’s nationalism, the author considers it inappropriate to look for a strict ideological system in it, pointing only to its closeness to the main political positions of the Slavophiles, primarily those related to the relations between the authorities and society, as well as to foreign policy issues. Apologetics of Slavophilism also occupied a significant place on the pages of the latter. The newspaper spoke extremely respectfully of the personal qualities of I. S. Aksakov and actively opposed both the vulgar Western thesis about the “retrograde” nature of Slavophilism and the then widespread identification of Pan-Slavism with nihilism. The most striking example of such apologetics was the 1881 series of essays “People and Parties”, which was actually dedicated to Slavophilism and Westernism. The author refuted the traditional Western argument, according to which the Slavophiles were supporters of returning to the past, and characterized the Slavophiles as a progressive and democratic movement, which he compared with the British Whigs. The foreign policy views of “Novoe Vremya”—primarily related to the Slavic question—also largely coincided with Aksakov’s. Traditional for publications of the “Russian trend” was criticism of Russian “groundless” diplomacy and an appeal to the concept of “national egoism”—which, however, the editors initially tried to combine with the idea of “Slavic reciprocity”.

Keywords: Conservatism, Nationalism, Pan-Slavism, Slavophilism, Suvorin, Aksakov, Katkov.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-122-154.

REFERENCES

- Aksakov, I. S. 1927a. "Suvorinu A. S. 2 oktyabrya 1884 g. [Letter to A. S. Suvorin. 1884 October 2]" [in Russian]. In *Pis'ma russkikh pisateley k A. S. Suvorinu [Letters from Russian Writers to A. S. Suvorin]*, 18–20. Leningrad: GPB.
- . 1927b. "Suvorinu A. S. 6 fevralya 1881 g. [Letter to A. S. Suvorin. 1881 February 6]" [in Russian]. In *Pis'ma russkikh pisateley k A. S. Suvorinu [Letters from Russian Writers to A. S. Suvorin]*, 12–13. Leningrad: GPB.
- Badalyan, D. A. 2013. "Polemika o Zemskom sobore v russkoy presse nachala 1880-kh gg. [Polemics about the Zemsky Sobor in the Russian Press of the Early 1880s]" [in Russian]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva [Works of the St. Petersburg State University of Culture and Arts]* 201:27–36.
- . 2023. "'Khot' Vy i ministr vnutrennikh del, odnako zhe Vy vse-taki — 'Ignat'yev', imya kotorogo nerazdel'no svyazano s ponyatiem o natsional'noy russkoy politike'. Pis'ma I. S. Aksakova grafu N. P. Ignat'yevu. 1868 i 1880–1885 gg. ['Although you are the Minister of Internal Affairs, you are still "Ignatiev", Whose Name is Inextricably Linked with the Concept of Russian National Policy'. Letters of I. S. Aksakov to Count N. P. Ignatiev. 1868 and 1880–1885]" [in Russian]. *Istoricheskiy arkhiv [Historical Archive]*, no. 5, 157–185.
- Dinershteyn, Ye. A. 1998. *A. S. Suvorin. Chelovek, sdelavshiy kar'yeru [A. S. Suvorin, a Man who Made Oneself a Career]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: ROSSP·EN.
- Koni, A. F. 1966. "Delo Ovsyannikova [Ovsyannikov's Case]" [in Russian]. In *Iz zapisek sudebnogo deyatelya [From the Notes of a Zemstvo Activist]*, vol. 1 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 37–45. 8 vols. Moskva [Moscow]: Yuridicheskaya literatura.
- Kotov, A. E. 2016. "Tsarskiy put'" *Mikhaila Katkova [Mikhail Katkov's "Tsar's Way"]*: ideologiya byurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoy publitsistike 1860–1890-kh godov [The Ideology of Bureaucratic Nationalism in Political Journalism of the 1860s and 1890s] [in Russian]. Ed. by S. K. Lebedev. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- . 2017a. "'Belye nigilizm' v russkoy konservativnoy publitsistike vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. ['White Nihilism' in Russian Conservative Journalism of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]" [in Russian]. *Tetrad'i po konservatizmu [Notebooks on Conservatism]*, no. 2, 68–75.
- . 2017b. "S. S. Tatishchev i A. S. Suvorin [S. S. Tatishchev and A. S. Suvorin]: spor o narodnom predstavitel'stve [The Dispute about Popular Representation]" [in Russian]. In *Tavricheskiye chteniya 2016. Aktual'nyye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennoost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, S.-Peterburg, Tavricheskiy dvorets, 8–9 dekabrya 2016 g. Sbornik nauchnykh statey [Taurichesky Readings 2016. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity. International Scientific Conference, St. Petersburg, Tauride Palace, December 8–9, 2016. Collection of Scientific Articles]*, ed. by A. B. Nikolayev, bk. 1, 77–84. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: ElekSis.
- . 2023. "'Nestlings From the Katkov Brood' in the Late 1880s: Nationalists in the Empire." *Social Sciences* 54:106–120.
- . 2024a. "'Egoizm yest' dobrodetel' narodov' ['Egoism is the Virtue of Nations']": russkiye konservatory i slavyanskiy vopros na rubezhe 1880-kh – 1890-kh gg. [Russian Conservatives and the Slavic Question at the Turn of the 1880s – 1890s]" [in Russian]. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya Gumanitarnyye nauki [Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series Humanities]*, no. 2, 34–39.

- . 2024b. "P. A. Kulakovskiy — sotrudnik 'Novogo vremeni' [P. A. Kulakovsky — an Employee of 'Novoe Vremya']" [in Russian]. *Russko-vizantiyskiy vestnik [Russian-Byzantine Herald]*, no. 2, 29–35.
- Lenin, V. I. 1973. "Kar'yera [Career]" [in Russian]. In vol. 22 of *Polnoye sobraniye sochineniy [The Complete Collection of Works]*, 43–44. 55 vols. Moskva [Moscow]: Izd-vo polit. lit-ry.
- Makarova, O. 2019. "Zhenskiy vopros" v zhizni i tvorchestve A. S. Suvorina ["Women's Issue" in Life and Work of A. S. Suvorin] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Pakhomova, L. Yu. 2023. "Istochniki informatsii v korrespondentsii G. S. Veselit-skogo-Bozhidarovicha v gazetakh 'Novoye vremya' i 'Moskovskie vedomosti' [Sources of Information in the Correspondence of G. S. Veselitsky-Bozhidarovich in the Newspapers 'Novoye Vremya' and 'Moskovskie Vedomosti']" [in Russian]. In *Klyuchevyye problemy istorii yuzhnykh i zapadnykh slavyan v novoye i noveysheye vremya (k 100-letiyu professora V. G. Karaseva) [Key Problems of the History of the Southern and Western Slavs in Modern and Contemporary Times (on the 100th Anniversary of Professor V. G. Karasev)]*, in *Istoriki-slavisty MGU [Slavic Historians of Moscow State University]*, ed. by G. F. Matveyev, 163–184. Moskva [Moscow]: Izdatel' Stepanenko [Stepanenko Publisher].
- Pis'ma russkikh pisateley k A. S. Suvorinu [Letters from Russian Writers to A. S. Suvorin]* [in Russian]. 1927. Leningrad: GPB.
- Rozanov, V. V. 1913. "Iz pripominaniy i mysley ob A. S. Suvorine [From Memories and Thoughts about A. S. Suvorin]" [in Russian]. In *Pis'ma A. S. Suvorina k V. V. Rozanovu [Letters from A. S. Suvorin to V. V. Rozanov]*, 3–66. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Novoye vremya.
- San'kova, S. M. 2011. *Dva litsa "Novogo vremeni". A. S. Suvorin i M. O. Men'shikov v zerkale istoriografii [Two Faces of "The New Time". A. S. Suvorin and M. I. Men'shikov in the Mirror of Historiography]* [in Russian]. Orel: Gosuniversitet — UNPK.
- Sharapov, S. F. 1877. "Suvorinu A. S. 9 aprelya 1877 g. [Letter to A. S. Suvorin. 1877 April 9]" [in Russian]. In *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archive of Literature and Art]*. 459/1/4682.
- . 1898. "Suvorinu A. S. 4 dekabrya 1898 g. [Letter to A. S. Suvorin. 1898 December 4]" [in Russian]. In *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archive of Literature and Art]*. 459/1/4682.
- Shul'gin, V. V. 1994. *Chto nam v nikh ne nraivit-sya [What We Don't Like about Them]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Russkaya kniga.
- Solousov, A. S. 2007. "Politicheskiye vzglyady A. S. Suvorina kontsa XIX – nachale XX vv. (po materialam dnevnikovyykh zapisey i 'Malen'kikh pisem') [Political Views of A. S. Suvorin in the Late 19th – early 20th Centuries (Based on Diary Entries and 'Little Letters')]" [in Russian]. *Nauchno-tehnicheskiiy vestnik informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki [Scientific and Technical Bulletin of Information Technologies, Mechanics and Optics]*, no. 36, 104–107.
- Teslya, A. A. 2011. "Etapy istorii slavyanofil'stva v kontekste issledovaniy natsionalizma [Stages of the History of Slavophilism in the Context of Nationalism Studies]" [in Russian]. *Vestnik TOGU [Herald of the Pacific State University]*, no. 3, 207–216.
- . 2014. *Pervyy russkiy natsionalizm [First Russian Nationalism]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yevropa [Europe].
- . 2020. "Mesto slavyanofil'stva v tipologii konservatizma [The Place of Slavophilism in the Typology of Conservatism]" [in Russian]. *Stasis*, no. 2, 13–40.
- Tsimbayev, N. I. 2013. *Slavyanofil'stvo [Slavophilism]: iz istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX veka [From the History of Russian Socio-political Thought*

- of the Nineteenth Century*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: GPIB Rossii [State Public Historical Library Publishing House].
- Vlasov, N. A. 2023. "Образ rossiyskogo panslavizma v germanskoj ofitsioznoy presse kontsa XIX veka [The Image of Russian Pan-Slavism in the German Official Press of the late 19th century]" [in Russian]. *Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue]* 12 (10): 326–343.